

«РУССКИЕ СЕЗОНЫ» В «АТЕЛЬЕ»

Рассказывает Андре Барсак

УЗКАЯ кривая улочка взбирается круто вверх и выходит на небольшую асимметричную площадь. После шумного, спящего рекламой бульвара Решешуар здесь поражает почти театральная тишина. До начала спектакля далеко, и поэтому, если не считать нескольких человек, разглядывающих афиши, у входа в театр «Ателье» никого нет.

Пока я поднимаюсь по деревянным скрипучим ступенькам, покрытым потертым ковром, в кабинет режиссера «Ателье» Андре Барсака, невольно на память приходит фраза из прочитанной незадолго до этого биографии театра: «Называвшийся сначала по имени района, в котором был построен, «Театром Монмартра», он живет уже почти полтора века». Безразличные и сухие слова о возрасте здесь, в стенах «Ателье», как-то сразу приобрели осязаемый, конкретный смысл.

Театр — один из самых старых в Париже. Как и у любого театра с длинной историей, у него были разные периоды, разные жизненные этапы. Когда-то здесь ставили оперетты и водевили, потом мелодрамы, а одно время даже оперные спектакли. В 1913 году на его сцене в «Даме с камелиями» выступала Сара Бернар. А к столетнему юбилею театра в него пришел прекрасный актер и режиссер Шарль Дюлен, открывший дорогу к сцене молодым драматургам Франции тех лет. В 1940 году во главе «Ателье» встал Андре Барсак, за 18 лет до этого дебютировавший здесь же как художник-декоратор. Именно с этого времени и начинается новая полоса в жизни театра: труппа стала постоянно ставить русскую и советскую драматургию.

Кабинет А. Барсака напоминает театральные музеи: афиши старых спектаклей, эскизы декораций, подборки газетных и жур-

нальных статей. В углу, прислоненный к стене, стоит большой портрет И. С. Тургенева, тот самый, который так хорошо знаком с детства каждому из нас по первым учебникам литературы. «Подарок директора тургеневского музея в Орле», — говорит режиссер. Он подводит меня к заваленному книгами и бумагами столу.

— Извините за беспорядок. Работы много, и никак не успеваю разложить все по полочкам и ящичкам... Вот хотите взглянуть? Эскиз декорации для «Ревизора» Гоголя художника Бакстера. Сейчас я много занимаюсь этой работой. Мне предложили поставить пьесу для телевидения. Показ намечен на весну. В 1946 году «Ревизор» шел у нас в театре. Поэтому нынешняя постановка для меня в некотором роде возобновление старого. Но у телеэкрана свои законы. И потом... двадцать с лишним лет прошло. Многого звучит по-новому. А перевод мы оставили прежний, тот, который я сделал к первой постановке.

— Значит, вы и режиссер, и переводчик русских пьес?

— Да, ведь начинал я свою дружбу с русским и советским театром именно как переводчик. Сразу же после окончания войны один издатель попросил меня перевести несколько вещей Тургенева и в первую очередь «Месяц в деревне». Дело в том, что совсем незадолго до этого пьеса в чем-то другом переводе была поставлена в «Комеди Франсез» и успеха совсем не имела, несмотря на то, что роль Верочки играла тогда еще юная Жанна Моро. Критика объясняла провал этот неточным, поверхностным переводом. Вот моему знакомому издателю и пришла в голову мысль выпустить новый французский вариант пьесы... А потом, как говорится, стоило только начать. Взялся вскоре уже сам за произведение Чехова. Перевел и поставил в «Ателье» «Чайку», «Три сестры». В моем переводе шли на сцене театра и «Предложение», и «Медведь». А совсем недавно я сделал сценическую обработку чеховской «Дуэли». Но парижская публика, мне кажется, эту вещь не приняла. Жаль... Вообще за те годы, что я занимаюсь Чеховым, у меня сложилось впечатление, что во Франции писателя знают довольно однобоко. Знают как бесконечно грустного драматурга, тяжело страдающего от безысходности провинциальной жизни. А другой Чехов — Чехов-насмешник, Чехов-фантазер и остряк, наконец, Чехов — непреклонный и даже жесткий борец — остается за пределами наших знаний. И если ты стараешься раскрыть эти черты творчества и характера писателя, то нередко встречаешь какое-то внутреннее сопротивление зрителя, не желающего расставаться с уже укоренившимся представлением. Здесь еще многое нужно объяснить. И набраться заранее терпения.

— Кого из советских авторов вы ставили у себя в театре?

— В последний раз это был Арбузов. «Мой бедный Марат». А до этого не раз обращался к Маяковскому. Давно мечтал поставить «Клопа». Но вот! Вечная проблема

перевода! Как донести всю остроту, весь пафос его сатиры до французского зрителя? Бились мы над этим долго. Но все же перевод был закончен, и пьеса пошла. И, вопреки нашим страхам, публика почти всюду реагировала правильно.

А. Барсак прекрасно говорит по-русски. Трудно поверить, что это не его родной язык. Об этом вспоминаешь только, когда режиссер, повинувшись бесконечным телефонным звонкам, снимает трубку и говорит по телефону.

— С Россией связаны все мои детские впечатления. Отец работал на Каспии по контракту много лет. Там я и рос. Первыми моими детскими книгами были русские сказки. После смерти отца семья наша вернулась домой, во Францию. Русский язык начал забываться. Но когда стал постарше, очень захотелось все вспомнить и начать читать русских писателей в оригинале. Я снова начал заниматься русским языком, теперь уже основательно. Большую роль в этом сыграла тургеневская библиотека, которую во времена своей парижской жизни основал здесь Иван Сергеевич и которая, увы, была вся вывезена гитлеровцами во время войны. Там была масса прекрасных книг. И я проводил в ней порой целые дни!

— И вот, посвятив жизнь театру, вы вновь встретились с Тургеневым?

— Да... в 1963 году я взял свой перевод «Месяца в деревне» и решил поставить его в «Ателье». Вспоминая неудачный опыт первой французской постановки, тогдашний директор «Комеди Франсез» усиленно отговаривал меня, уверял, что вещь эта не для парижской публики. И вот почти два года ежедневных полных сборов. Спектакль стал одной из самых больших удач нашего театра. Мы возили его по всей Франции, в Швейцарию, Бельгию. Но когда ваше Министерство культуры предложило мне включить его в репертуар предстоящих гастролей в СССР, я, признаюсь, поначалу испугался: вести тургеневскую постановку на французском языке на родину писателя, в страну, так знающую и чутко любящую его, казалось мне мальчишеством. Но после первого спектакля в Малом театре страх рассеялся. Ваша публика удивительно чуткая, и мы ощутили не снисхождение, а благодарность за дань любви, которую отдавали таланту русского писателя... Думаю, что это была не последняя встреча с Тургеневым. Сейчас с большим интересом познакомился с новыми материалами о его жизни, которые появились в вашей печати в связи с 150-летним юбилеем.

Многое остается еще недосказанным: и история создания «Братьев Карамазовых», и «Идиота», имевшего на сцене «Ателье» долгий и прочный успех, и подготовка к созданию «Леса» Островского, и, наконец, пока еще сырой план постановки «Насмешливого моего счастья» Малиютина. Но время торопит. Барсаку пора за кулисы. Мы прощаемся. Театр начинает заполняться публикой. Скоро спектакль.

Е. КАРАСЕВА.

ПАРИЖ.